

СЛУЧАЙНЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Максим Шарапов

16+

Максим Шарапов

Случайные родственники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51956835

SelfPub; 2020

Аннотация

У каждого из нас есть родственники, которых мы не выбрали. И с ними не всегда складываются идеальные отношения. Как же быть? Молодой муж Константин нашел свое ироничное и озорное лекарство от этой проблемы.

Уже полдня вспаренный и чуть отупевший от однообразных движений Вадим Викторович косил траву на своей даче. Конец весны был не очень дождливым, но трава пёрла из-под земли жесткая и настырная. – И откуда такая? – изумлялся Вадим Викторович, срезая гудящим триммером толстые упругие стебли.

Из шестнадцати соток подмосковных владений газон занимал почти две трети. Вадим Викторович принципиально засадил нежной газонной травкой все грядки, когда переехал постоянно жить загород из пыльной, суетной столицы. Оставил для развлечения только небольшой парник. Но теперь эта европейская эстетика неожиданно вывернулась наизнанку колючей щетиной.

А после обеда приехали на выходные дочка с зятем. Вадим Викторович выключил электрическую косу, прислонил ее к яблоне, поцеловал Леру и поздоровался с Кириллом.

– Какая трава у вас в этом году уродилась! – не удержался Кирилл.

Вадим Викторович подвесил паузу и сделал жесткий рот. Жесткий рот – особенные, упрямые складки носогубных мышц – всегда проступал на лице тестя, когда тот был чем-то недоволен. Лера наклонилась и потрогала непривычную траву:

– Упрямая какая...

– Я её уже четыре часа кошу... – Вадим Викторович пожевал жестким ртом.

...Травяная тема в семье была не случайной, и еще год назад, сразу после свадьбы, определила стиль отношений Кирилла с новыми родственниками. С первых дней знакомства с родителями Леры Кирилл попытался установить взрослые дружеские отношения. И если дружба с тещей, материей более тонкой, еще вызывала некоторые опасения, то поиск взаимопонимания с «папой» казался простым и естественным: мужчины всегда найдут о чем поговорить и чем заняться. С тестем можно и на рыбалку съездить, и водки выпить, и пофилософствовать, а главное – найти общее дело, которое сблизит случайных родственников.

Первое разочарование подкралось, когда выяснилось, что рыбалку Вадим Викторович презирает, как занятие совершенно пустое и бессмысленное, а водке предпочитает сладкие вина. Ничего, подумал Кирилл, это дело вкуса, главное – конструктивный подход.

Заметив трепетное отношение Вадима Викторовича к инструменту – одних отверток, лежавших в образцовом порядке в маленькой мастерской, зять насчитал двадцать две – Кирилл подарил тестю на день рождения новенькую, немецкого происхождения профессиональную дрель с перфоратором.

– Это в вашу коллекцию инструмента от нас с Лерой, – Кирилл протянул тестю приятный на ощупь красный чемоданчик.

Тесть принял подарок благосклонно, долго разглядывал

дрель и жужжал ей на разных режимах. Убедившись, что сделал правильный ход, Кирилл решил закрепить радость Вадима Викторовича и, уезжая в город в конце выходных, попросил у него электрический лобзик:

– Мы сейчас ламинат в квартире укладываем, чтобы ручной пилой долго не мучиться.

– И ручной можно, а свой инструмент в чужие руки нормальный человек не отдает, – ответил Вадим Викторович и обиделся.

Отказ тестя Кирилл объяснил себе приступом плохого настроения – не мог же Вадим Викторович пожалеть лобзик – и уже на следующих выходных предложил тестю заменить подгнивший деревянный забор за парником на новый металлический, который пообещал купить на свои.

– Я и установить его помогу, вы только подсказывать будете.

Услышав предложение зятя, Вадим Викторович отвернулся куда-то в сторону и надолго задумался. Не сумев пережить этого молчания, которое нередко бесит больше, чем всплеск эмоций, Кирилл переспросил:

– Так что же с забором?

– Похолодало сегодня сильно. Надо камин зажечь, – произнес Вадим Викторович и ушел в дом.

Кирилл проводил аккуратно постриженный затылок тестя чуть расширившимися зрачками.

– Лера, я не могу понять, что от меня нужно? – говорил Кирилл, обнимая по ночам жену, – и делать ничего не дают, и смотрят косо: ворвался в семью молодой мужик и только книжки читает, да на рыбалку ходит.

– А ты ничего и не делай, – шептала Лера, почти касаясь губами его уха, – Для папы эта дача – весь его мир. Любой совет он воспринимает как вмешательство в свою личную жизнь, как посягательство на самое святое, даже если это просто гнилая доска. Отнесись к этому философски и забей. Пусть делает, что хочет. Попросит помочь – поможешь...

А в конце мая подросла трава, и Кириллу неожиданно доверили старенький триммер. Наконец-то тесть с зятем работали вместе. Вадим Викторович лихо срезал траву мощной электрической косой, а Кириллу приходилось елозить по одну и тому же месту три раза чтобы подстричь молодую травку стареньким, урчащим, с треснутым корпусом агрегатом. Но это было не важно: главное, начинало что-то контактировать в их личных отношениях, радовался Кирилл.

Через час работы косилка в руках Кирилла зачихала, задергалась, а потом зачадилась невкусным дымом и сдохла. Вадим Викторович обернулся на звук умирающей техники, потянул ноздрями едкую гарь, и в носогубных складках проступило саркастическое: я это предвидел.

Косилку списали, а когда на следующий день Кирилл вызвался докосить траву «папиным» триммером, тесть искренен-

не удивился:

– Ты вчера уже покосил, спасибо.

Кирилл побродил по саду и сбежал в деревенский магазин. Купил там две бутылки пива и, употребив их в одиночестве, задумался о том, что все время натывается на какую-то прохладцу, державшую его от Вадима Викторовича не то чтобы на расстоянии пули, но уж точно на дистанции острого клинка.

Так прошел первый летний сезон в новой семье, а осенью молодожены поехали в Испанию. Купались в море, гуляли по старым городам, любовались мощной южной природой...

... Чем гуще росла трава, тем беспокойнее становился Вадим Викторович, который и косьбу бросить не мог, потому что во всем любил порядок, и перепоручить это занятие было уже некому. К середине лета трава стала почти равноправным членом семьи, потому что обсуждали ее чаще, чем многих родственников, а ругали даже больше, чем власть.

А трава все не унималась. Она не только заполонила весь нежный, выпестованный заботливыми руками Вадима Викторовича газон, но угрожала уже цветам и даже кустарникам.

Нередко трава становилась причиной глупых ссор, потому что Вадим Викторович хоть и выкручивал сам на травяную тему, но к любым советам и предложениям относился очень нервно.

– Я сегодня читала, – говорила за ужином тёща Элеонора

Ивановна, что вокруг нас сплошные мутации. Да и сами мы падем скоро жертвами этих трансгенных изменений. Наверняка и трава эта мутировала после какого-нибудь кислотного дождя.

– Лена, что ты несешь! – возмущенно давился едой Вадим Викторович, – как газонная трава за одну зиму может мутировать! Что за бред! Убери лучше бардак на кухне!

Ужин заканчивался в напряженной тишине, и Элеонора Ивановна уходила переживать на кухню.

Вообще Элеонора Ивановна по паспорту была Еленой, а по сути, просто тетей Леной, но представлялась всем в возвышенном, как ей казалось стиле, потому что причисляла себя к людям, почти постигшим глубину метафизики и тонко сопереживающим еще не понятому современному искусству. При всей склонности к философской мысли и даже потусторонним темам у Элеоноры Ивановны были удивительно развиты два житейских свойства. Вокруг нее неуловимо, но постоянно возникал удивительный бытовой срач, с наибольшей силой расцветавший на кухне. Чистые, только что убранные Лерой столешница и стол как по воле всемогущего факира начинали незаметно зарастать какими-то крышками, банками, невымытыми кастрюлями, тарелками с остатками еды, конфетами и надкушенными сухарями, не очень чистыми тряпками. Аккуратный Вадим Викторович годами пытался бороться с этим уникальным явлением и даже кричал на утонченную Элеонору Ивановну:

– Лена, мать твою, когда ты наведешь порядок на кухне!

Элеонора Ивановна обижалась, плакала, замыкалась на время в себе, но победить в ней этот уникальный талант было невозможно. Кирилл с Лерой даже устраивали тайные эксперименты: убравшись на кухне, засекали время, и подглядывали из комнаты за возникновением беспорядка. В среднем процесс занимал примерно час.

– Может, мысли о потустороннем так проступают в нашем реальном мире? – спрашивал Кирилл у своей жены и получал маленьким кулачком в бок.

Другой поразительной способностью Элеоноры Ивановны было умение слышать и контролировать абсолютно все, что происходит в доме. Приняв в кресле вальяжную позу, она листала очередную эзотерическую книгу и, казалось, была очень далеко от мира кастрюль и ложек, но стоило Кириллу спросить у Леры, будет ли она яичницу, как из комнаты немедленно откликнулась Элеонора Ивановна:

– Яйца в холодильнике, свежие. Только помойте обязательно, – отвечала она на незаданный ей вопрос.

– Спасибо, Элеонора Ивановна, хорошо, – обреченно благодарил зять и думал: коллоритнейшая женщина!

Не признавая мутации, Вадим Викторович закупил, тем не менее, книжек про «культурные» травы и пытался вычислить, что могло случиться с его любимым газоном.

Приблизив с помощью очков буквы к своему сознанию,

он внимательно изучал опыт известных специалистов, что-то подчеркивал и даже выписывал важные тезисы в специальный блокнот, а потом выходил в сад, и сделав жесткий рот, остервенело косил подростковую траву.

– Трава невыносима в этом году! Как я вас понимаю, Вадим Викторович, – сочувствовал тестю, вернувшийся с рыбалки Кирилл.

Когда лето уже жухло желтеющим вдоль дорог бурьяном, из города на девичник к Лере, выпить вина и поговорить, заскочили подружки. Девушки поздоровались с косившим неугомонную траву Вадимом Викторовичем и уединились в беседке. Кирилл, пытавшийся присоединиться к девичнику и подливавший девушкам красное вино, был быстро сослан жарить шашлык на расстояние, не позволявшее его любопытству проникнуть в смысл нечленораздельных звуков. Из беседки слышался звон хрустальных бокалов – Элеонора Ивановна любила красивую посуду, и смех, а через полтора часа там появился планшет, на котором Лера в очередной раз показывала незамужним девчонкам свадебные фотографии, которые сменились потом испанским путешествием.

– А что твой папа все жужжит этой штукой? – спросила Леру упругая брюнетка и потеряла свое спрятанное за волосами правое ухо, которое было заметно больше левого.

– Да тут целая история, – Лера оглянулась на отца, – трава в этом году выросла как сорняк, он уже весь измучился с ней.

– Наверное, как на этой фотке, – засмеялась хрупкая блондинка и ткнула пальцем в экран, на котором загорелый Кирилл в шортах и зеленой майке с непонятным рисунком позировал на фоне гигантского пучка травы, похожего чем-то на увеличенную в несколько раз северную тимофеевку.

– Вот это трава!

– Меня она тоже поразила, – сказала Лера. – Я чувствовала себя рядом с ней, наверное, как кузнечик чувствует себя в нашей. Мир меняется! А Кирилл просто зафанател от нее, все ходил вокруг, восхищался и заставил его щелкнуть на фоне испанского исполина.

– А у вас тут такая же растет, – вставила вдруг наблюдательная брюнетка, откусывая прямо с шампура чуть подгоревший кусок мяса.

– Да где? – удивилась Лера.

– За парником. Ты нам когда свою клумбу показывала, я заметила. Я еще подумала это тоже какое-то декоративное растение.

– Пойдем, посмотрим, – поднялась Лера.

Они вынырнули из беседки и пошли к парнику, за которым было заброшенное пространство, не тронутое аккуратностью Вадима Викторовича. Здесь лежали старые доски и трубы, валялись десятка три кирпичей, стояли две резервные металлические бочки, и колосилась огромная, почти древовидная трава.

Вечером, когда девчонок уже проводили в город, а в руках Вадима Викторовича снова загудел триммер, Лера взяла мужа за руку и потащила к парнику.

– Куда ты меня тащишь? – шутя упирался Кирилл.

– Сейчас узнаешь!

Перешагивая через кирпичи и старые трубы, она подвела его прямо к траве: за парником уже набирали семена несколько почти полуметровых колосьев.

– И что это?

– Трава какая-то.

– Какая-то!? Не та ли это трава, у которой ты в Испании хотел собрать семена и которую мой папа уже пол-года как дурак косит! Эта трава?

– Да я взял-то всего несколько штук на пробу! Ничего и не прижилось почти, – хитро улыбнулся Кирилл.

– Совсем ничего?

– Ладно тебе ругаться, Лерка, – Кирилл притянул к себе жену и пальцами правой руки легонько почесал ее теплый незащитный затылок. – Это, наверное, всё мутации...

Прислушавшись к жене, Кирилл перестал навязывать тестю любую совместную деятельность, ограничившись традиционным утренним вопросом:

– Вадим Викторович, чем-нибудь помочь сегодня?

Вадим Викторович смотрел по сторонам:

– Сегодня, наверное, не надо.

Долгие размышления были одной из фундаментальных черт Вадима Викторовича. Он мог думать над простейшим решением неделями, перебирать в голове разные возможности, мысленно слюнявить детали, но, так и не отыскав идеального варианта, соскальзывал в мучительное мрачное настроение, создававшее в доме серую душную атмосферу.

Вадим Викторович был не глуп, но мыслями своими сильно прерывист и перескакивал с одной на другую как блоха, пытаясь найти самую главную, и терял в этих поисках и все второстепенные. В этом плане Вадим Викторович был глубоко русским человеком, который так долго запрягал свои мысли, выбирая самую лучшую, что потом, отчаявшись найти идеал, выбирал любую и скакал на ней до помутнения рассудка. Но и скачки эти часто приносили Вадиму Викторовичу страдания: ему постоянно казалось, что все можно было сделать и лучше. Даже чай в моменты таких трудных исканий Вадим Викторович мог пить по-особенному.

– Вадик, мы чай пить садимся. Будешь? – кричала из кухни Элеонора Ивановна, разливая заварку из пузатого в красных маках фарфорового чайника.

Из комнаты в лучшем случае раздавалось покашливание. Вадим Викторович размышлял, хочет ли он чаю. А на столе появлялись пряники и печенье, звякали ложки.

Когда над чашками уже поднимались облачка пара, Элеонора Ивановна выглядывала в комнату и снова звала мужа: – Вадюша, иди чай пить. Все готово.

– Не хочу пока, – отвечал Вадим Викторович и через пять минут появлялся на кухне. Удивлено смотрел на довольных родственников, подходил к шкафу и что-то в нем выглядывал. Элеонора Ивановна вставала, доставала чашку, ставила ее на стол, наливала заварку и кипяток, и вытаскивала из закладки две домашние ватрушки с творогом. Вадим Викторович брал ватрушку тремя пальцами и нехотя присоединялся к чаепитию.

– А вы говорили, кончились ватрушки, – Кирилл смотрел прямо в глаза Элеоноре Ивановне.

– Кончились, а теперь и нашлись! – отвечала теща, и на лице ее проступала дерзкая мысль: она выше всех этих мелочей.

Первое время Кирилл думал, что Вадим Викторович над всеми издевается.

– Да, он просто не может принять решение, – успокаивала мужа Лера.

– Да что тут думать: пилить засохшие ветки или нет? Что тут думать? Понятно же, что все равно придется пилить! – возмущался Кирилл.

– Это тебе понятно, а он должен все обдумать и взвесить, а самое главное, сам, понимаешь, сам это решения принять, без натиска со стороны. Иногда ему проще промолчать или сделать вид, что он не понимает вопроса, чем склониться к какому-нибудь даже совсем простому решению, какой-то

определенной мысли.

– Так я же помочь хочу!

– Самая лучшая помощь ему – это не трогать его мир, который он себе здесь создал. Мир, в котором хозяин только он. Ну, просто папа такой...

Понаблюдав за тестем, Кирилл убедился, что Вадим Викторович и правда не всегда вредничает, а часто просто не может решиться, но результат иногда получался один и тот же. Услышав, что «помогать сегодня, наверное, не надо» Кирилл с Лерой уезжали купаться или просто гулять, а когда возвращались, заставляли непредсказуемого Вадима Викторовича за ремонтом садовой дорожки. Выяснялось, что тесть весь день двигал массивную бетонную плитку, убирал треснувшую, подвозил на тачке песок и гравий, укладывал новую и надорвал себе спину.

– Вадим Викторович, что же вы не сказали, что будете плитку менять? Я же вас спрашивал, чем помочь!? – удивлялся зять.

– Тогда было не нужно...

Кирилл переодевался, хватался за тачку, чтобы подвести еще песка, перетаскивал плитку, но все равно выходило так, что зять бездельник.

И тогда Кирилл решил скорректировать свой несправедливый имидж. Если характер родственников нельзя переделать, а переделать его нельзя, то можно попробовать использовать некоторые его черты. Кирилл стал прислушиваться к

размышлениям Вадима Викторовича и выцарапывать из них его маленькие бытовые мечты.

– Хорошо бы заменить эту пленку на стекло, – говорил Вадим Викторович, рассматривая прохудившуюся пленочную крышу теплицы.

Уже зная, что мысль эта будет еще долго блуждать в голове тестя, Кирилл незаметно замерил огородную оранжерею, заказал в ближайшем городке стекло, договорился с жившими по соседству молдаванами и, выбрав день, когда тесть уехал в город по делам, организовал застекление парника.

Вернувшись из города, Вадим Викторович не сразу заметил, что парник перестал, как раненая птица трепыхаться на ветру порванной пленкой, а, обнаружив, долго изучал случившуюся перемену. Кирилл ждал неподалеку.

– Как, Вадим Викторович, нравится? Вы же давно об этом мечтали! – спрашивал Кирилл, и, не дождавшись ответа, уходил в дом.

За ужином, забытая, казалось, тема, неожиданно проступала между котлетами и овощным салатом.

– Такое толстое стекло не обязательно было ставить, – говорил Вадим Викторович, цепляя вилкой дольку жареной картошки, – и стыки можно было не замазывать, это же не космический корабль.

– А что плохого в толстом стекле? – заступалась Лера. – Крепче будет.

– Непродуманно все получилось, – ворчал Вадим Викто-

рович.

После второй акции, когда, подслушав очередной зарождающийся замысел тестя, Кирилл молниеносно заменил на участке обветшавшие скамейки, Вадим Викторович осознал, что его устоявшийся мир может вот-вот рухнуть под натиском пришельца и его новой тактики. На этот раз Вадим Викторович думал быстро и через Леру попросил своего зятя больше никогда ничего не делать на даче!

– Лучше пусть на рыбалку ходит, и пиво пьет, чем так помогать! – трясся Вадим Викторович.

– Папа, ты же сам говорил, вместо рыбалки надо заниматься полезными делами. Вот Кирилл и занялся, – улыбалась дочь. – А потом, знаешь, ты часто на него с таким упреком смотришь, что его желание не выглядеть посторонним, можно понять.

– Он не почувствует даже намека на упрек! Пусть только ничего не делает! – взмолился Вадим Викторович.

Смыв с себя образ бездельника Кирилл внутренне расслабился. Инициатива постепенно переходила на его сторону. Напряженное наблюдение за тестем сменилось легким, чуть ироничным настроением, которое часто подхлестывал и сам Вадим Викторович.

Вечером, спрятавшись в маленькую комнату почитать, Кирилл слышал из гостиной только приглушенные голоса родственников, которые не мешали ему вслед за героями по-

вести бродить по старинным городам Адриатического побережья. Перелистнув очередную страницу, он приподнялся на диване и открыл окно, впустив в комнату надышавшийся цветущей липой воздух.

– Слышали!?! Вы слышали это!?! – закричал вдруг Вадим Викторович.

– Да, я слышала! Это фундамент треснул! – подхватила Элеонора Ивановна.

И невидимые за стеной родственники, стуча жесткими тапками по деревянному полу, бросились на улицу.

Кирилл замер. Неужели у почти нового дома треснул фундамент? Почему же он не слышал этого страшного звука? Зять тихонько выглянул в окно и смотрел как в сумраке силуэты Вадима Викторовича и Элеоноры Ивановны метались по двору, со всех сторон рассматривая фундамент.

В комнату зашла Лера:

– Ты ничего не слышал? Родителям показалось, что фундамент треснул.

– Знаешь, Лерка, по-моему, это я просто открыл окно...

– Правда? – жена присела на диван.

– По крайней мере, другого звука я не слышал.

– Тогда все понятно, – Лера еле удержала в себе смех. – Этот фундамент у родителей большая тема. Ты пока не признавайся, что окно открывал...

– Я и не собираюсь, а то еще обвинят, что я фундамент раскрошил. Лучше затаюсь.

Через полчаса, не обнаружив трещин в фундаменте, хозяйка вернулись в дом.

– Но вы ведь слышали, слышали? – спрашивал всех Вадим Викторович. – Я же не схожу с ума?

– Что вы Вадим Викторович, конечно, нет, – заверял Кирилл.

Безопасность фундамента была одной из тех тем, которые, как дети и недвижимость, на долгие годы объединяют супругов. Такие темы есть в каждой семье, сумевшей прожить длинную совместную жизнь.

Весной, когда растаявший снег замачивал землю вокруг дома, аккуратно уложенная перед ним волнистой формы плитка на некоторое время вспучивалась и вылезала из своих гнезд. Переживания за «оживающую» плитку возможно и спровоцировали маниакальную заботу Вадима Викторовича о фундаменте. Ему постоянно казалось, что основание, на котором стоит его жилище, может разрушиться, за ним просядет построенный по собственному проекту дом, а потом изменится и весь мир.

Нервозность Вадима Викторовича постепенно передалась и экзальтированной Элеоноре Ивановне, которая своими эмоциями только разогревала нервную систему мужа. Каждый неопознанный шум в доме стал восприниматься его владельцами как начало гибели фундамента. Заслышав любой странный звук они вскакивали и мчались смотреть, не по-

явились ли трещины, а ничего не найдя посвящали весь вечер обсуждению происшествия. Когда же в обложке фундамента была обнаружена тонкая трещинка, ей присвоили статус чрезвычайного происшествия: Вадим Викторович спустился в погреб и полдня пристально изучал прохладные стены подzemелья.

Удивительная реакция на звуки спровоцировала Кирилла на мелкое хулиганство и негуманное использование особенностей психики своих родственников. Когда поздно вечером очень хотелось что-нибудь съесть, а лезть в холодильник при родителях было неудобно, тем более что Элеонора Ивановна была противницей ночных трапез, Кирилл громко хрустел пустой пластиковой бутылкой, отходил подальше от своего инструмента, а когда родители убегали рассматривать фундамент, говорил жене:

– Лерка, пойдем, перекусим что-нибудь, пока нет никого.

Они доставали из холодильника колбасу, хлеб, вытаскивали из банки малосольные огурчики и быстро лопали, а когда родители, не отыскав признаков повреждений возвращались, встречали их сытыми и умиротворенными.

Но чем чаще Кирилл пользовался звуковыми эффектами, тем быстрее приближался к провалу. Вадим Викторович уже начинал что-то подозревать и говорил своей жене, когда они оставались наедине:

– Знаешь, Лена, это удивительно, но звуки всегда появляются, когда дома этот наш ... зять. Звуки есть, трещин нет,

но зять в это время почти всегда дома.

– Неужели он фундамент по ночам точит? – поражалась Элеонора Ивановна.

– Да не городи чушь! – кричал на нее Вадим Викторович. – Но что-то странное в этом есть...

Пока искали изъяны в фундаменте, на крыше почти нового дома разваливалась печная труба. Слабые кирпичи под натиском теплого дыма изнутри и холодного мокрого ветра снаружи рассыпались и регулярно проваливались звонкими осколками в глубину печки, пугая зачитавшуюся очередным экзотерическим романом Элеонору Ивановну. Иногда крупная кирпичная крошка, прокатившись по крыше, падала перед крыльцом.

– Папа, надо трубу чинить, – говорила Лера Вадиму Викторовичу, – она скоро кому-нибудь из нас на голову свалится.

– Я размышляю над этим, – отвечал Вадим Викторович и удалялся.

От разоблачения Кирилла спасла случайность. В начале рабочей недели, когда молодые уже уехали в город, Вадим Викторович позвонил дочери и сообщил, что находится в тревожном смятении:

– Знаешь, Лера, – говорил растерянный Вадим Викторович, – мы с мамой, наверное, сходим с ума. Уже целый день

мы слышим какие-то скрежещущие звуки. Передумали все что могли, но понять ничего не можем. А звуки все повторяются и повторяются. И трещин в фундаменте нет, и вы уехали...

– Папа, а может быть, это печка разрушается?

– Да причем здесь печка! – злился Вадим Викторович.

Промучившись еще полночи, и не дождавшись рассвета, Вадим Викторович и Элеонора Ивановна начали тотально «зачищать» весь дом в поисках сводящих с ума звуков. Шкаф за шкафом они перебирали все вещи и, наконец-то, на одной из полок нашли источник своего нервного расстройства, который хоть и косвенно, но все-таки касался и зятя. Они отыскали электрическую зубную щетку, самостоятельно шевелившую во рту щетиной, которую Элеонора Ивановна подарила Кириллу. Батарейка в этом бессмысленном приборе со временем окислилась и замкнула контакты, что привело к самопроизвольному жужжанию. Это открытие сняло подозрения, что зять тайно вредит фундаменту дома.

А через месяц мгновенно оборвались размышления Вадима Викторовича о судьбе печной трубы, когда во время грозы сильный порыв ветра сдул ее с крыши. Рассыпавшиеся кирпичи с грохотом простучали по металлочерепице и прямо под окнами разбились о плитку. Как отреагировал на эти звуки Вадим Викторович, Лера с Кириллом не узнали, потому что были в городе. Элеонора Ивановна, рассказав дочери

о происшествии, заметила только вскользь, что папа решил все-таки заняться печкой.

– Смородина – самая лучшая ягода, – назидательно говорил Вадим Викторович, любуясь мощными раскидистыми кустарниками, – она и вкусная, и полезная. И куст красивый.

В жизни Вадима Викторовича чёрная смородина была главным растением и самым вкусным лакомством. В середине лета ее заготавливали в огромных количествах: протирали с сахаром, варили в медных тазах варенье, закручивали на зиму компоты.

К концу июля полезная ягода налилась красноватой мякотью.

– Лера, а почему ты не ешь смородину? – спрашивал Кирилл, у которого челюсти уже сводило от кислятины. – Надо есть полезную ягоду, которую твой папа вырастил на красивых кустах!

– А я ее с детства терпеть не могу, меня ей закармливали, – ухмылялась Лерка, макая в сметану покупную клубнику.

– Нет, нормально? А почему я должен ей давиться?

– Кирилл! – кричала из кухни Элеонора Ивановна, – я компот смородиновый сварила. Иди пить.

Следующей весной Кирилл с Лерой решили разнообразить дачный ландшафт и купили в питомнике ароматный жасмин, кустов десять садовой малины и тоненькое деревце груши. Пока приболевший насморком Вадим Викторович

прятался дома от влажного апрельского ветра, Кирилл с Лерой пристроили растения в разных местах участка. Жасмин посадили у дорожки, малину прикопали вдоль забора за домом, а грушу укоренили в саду между старыми яблонями.

– И зачем нам все это? – спрашивал Вадим Викторович. – У нас смородина есть.

– Нельзя же есть одну смородину, – защищала Лера биоразнообразие.

Воспользовавшись молчаливым папиным согласием на следующих выходных Кирилл с Лерой продолжили свою мирную экспансию и воткнули между смородиной два кустика жимолости и крыжовник, а еще через неделю, приехав на выходные, не нашли свою малину. Уже прижившиеся саженцы, давшие новые светло-зеленые листочки, просто исчезли.

– Папа, – спросила, Лера, – а где же малина?

– Какая малина?

– Садовая, которую мы две недели назад посадили. Ты ее скошил?

– Неужели скошил!? Не может быть! – удивлялся Вадим Викторович. – Значит, не заметил.

– Все десять кустов не заметили? – поинтересовался Кирилл.

– Мне тоже обидно! – ответил тесть.

Лера расстроилась и, ползая на коленках, все пыталась отыскать маленькие уцелевшие ростки, а потом спросила Кирилла:

– Не мог же папа специально малину скосить, как думаешь?

Через день, подрезая сухие ветки, Вадим Викторович упал с яблони на молоденькую грушу. Будущее плодовое дерево не выдержало теста и сломалось. Папа извинялся за грушу, делал кислое лицо и тер ушибленный бок. На фоне падения Вадима Викторовича гибель груши, естественно, померкла. Все радовались, что сам папа пострадал не сильно.

Свидетелей падения Вадима Викторовича не было. Кирилл побродил между яблоней и бывшей грушей, чему-то улыбнулся и позвал в сад Леру:

– Лер, смотри. Вот яблоня, вот остатки груши. Ничего не замечаешь?

Жена дернула плечами:

– Нет. А что?

– Да, ерунда. Приглядишься просто, где растет яблоня. При всем желании упасть с нее на грушу невозможно. Только если совершить из кроны затяжной акробатический прыжок, да и то можно промахнуться.

– Ну, лестница, наверное, поехала и ...

– ... И папа как леопард прыгнул за добычей на грушу.

– Хватит издеваться над папой!

– Я не издеваюсь, ты же сама спрашивала про малину.

Причем, обрати внимание, груша сломалась под самый корень, чтобы уже без шансов. Тебе все это не кажется стран-

ным?

– А тебе не кажется странным, что у нас в прошлом году весь участок зарос гигантской испанской травой? Хорошо еще зимой она вымерзла...

Кириллу с Лерой явно намекали: посадили чуть-чуть всякой ерунды и хватит. Но чем больше растений «случайно» погибало, тем азартнее хотелось посадить новые. Чтобы хоть немного продлить терпение Вадима Викторовича молодежь начала играть с папой в поддавки и предложила ему самому выбирать места под новые саженцы. Поначалу Кирилл еще пытался что-то советовать, но Вадим Викторович всегда находил другой вариант. И тогда зять стал говорить:

– Мне кажется, твоя вот здесь хорошо приживется, – показывал он самое неудачное для твоего место.

– Нет, – качал головой тесть, – здесь ничего расти не будет, – и втыкал лопату туда, где Кирилл и хотел твою посадить.

– А ведь вы правы! – Кирилл искренне одобрял выбор твоего.

Вадим Викторович не спорил.

– Сомнения разъедают сознание твоего папы, – любил повторять Кирилл, выпив пива и прикалываясь над своей женой, – мешают ему развиваться. Таким людям нужно помогать делать выбор, а если они самолюбивы и обидчивы, помогать нужно ненавязчиво, чтобы не задеть их внутренний

авторитет.

– Сейчас я оторву тебе твой внешний авторитет! – кричала Лерка и лезла возиться со смеющимся мужем, – будешь знать, как моего папу обижать!

– Кто ж его обижает? – Кирилл выворачивался и нежно кусал жену за плечо, – я о нем забочусь...

За окном закричал петух, шумно захлопали крылья.

– Хорошо как, – Кирилл гладил притихшую жену.

Они лежали на кровати в летней комнатке на втором этаже и слушали разные звуки за окном. Это была их территория, их маленькое «гнездо», куда они забирались, чтобы побыть вдвоем. Такое ощущение в доме давал только второй этаж, другое пространство, оставлявшее всех остальных где-то далеко внизу.

– Кукареку!

– Вот раскричался, – улыбнулся Кирилл.

– А мама мечтает его сварить, – шевельнулась Лера.

– Да?

– Она считает, что держать на даче кур в двадцать первом веке это дикость. А еще они с папай думают, что сосед назло устроил курятник прямо у нашего забора, чтобы птицы мучали нас своим кудахтаньем.

– Лерка, да чего же ты у меня смешная в этих бигуди!

Жена, накрутившая волосы в ожидании вечерних гостей, хитро посмотрела на мужа и вдруг выпучила глаза, сделала бессмысленное лицо и громко протяжно заблеяла:

– М-ме-е-е!

Кирилл трясся от смеха, а Лера, воодушевленная реакцией мужа, все бляяла и бляяла на разные овечьи голоса.

Когда они спустились к обеду Вадим Викторович и Элеонора Ивановна обсуждали что-то на повышенных тонах. В конце разговора тесть даже хлопнул дверью и ушел из дома:

– Мама, что случилось? Вы поругались что ли?

– Ничего мы не ругались, просто эти соседи уже достали! Мало нам их кур было, они теперь еще и овец завели! Представляете!?

– Каких овец?

– Обыкновенных баранов, как они сами. Только что под окном тут бляяли. Неужели не слышали?

Кирилл быстро отвернулся и вышел из комнаты, заглушая смех кашлем.

– И что ты смеешься? – Элеонора Ивановна смотрела на хохочущую дочь. – Вы здесь только по выходным бываете и то не всегда, а нам теперь целыми днями их слушать и нюхать!

Постепенно Вадим Викторович понял, что попался: «пришельцы» еще не теснили смородину, но уже то тут, то там отращивали свои зеленые шевелюры. И тогда тесть сделал жесткий рот и сказал, что больше свободных мест на участке нет.

– Хорошо, папа, – сказала Лера, радостно наблюдая как

пчела, собирая нектар, перелетает с роз на гортензию, с гортензии на разноцветные клематисы, с клематисов на дельфиниум...

Не услышав сопротивления, Вадим Викторович почти успокоился и только несколько раз пометил еще свободную территорию молодыми смородиновыми кустами.

А в начале октября в загородном доме стали готовиться к серебряной свадьбе Вадима Викторовича и Элеоноры Ивановны. Составлялось меню, закупались продукты и напитки, а будущие гости – друзья и родственники, с большинством которых Кирилл уже был хорошо знаком, выпытывали, что же подарить «молодоженам».

– Самый лучший для Вадима Викторовича подарок, – по секрету говорил всем Кирилл, – необычные растения.

– Да? А не обидится? Все-таки юбилей такой...

– Что вы! Он счастлив будет! Смотрите, на участке же сплошная смородина...

– Одна смородина – это скучно, – соглашались с Кириллом. – А покупать где?

– У нас тут рядом хороший питомник. Я примерно догадываюсь, что тесть хочет. Могу сам купить, а когда поздравлять приедете, тихонько вам передам, – соблазнял Кирилл.

– Слушай, а хорошая идея! – радовались гости, удачно сэкономившие время на поиске глупых подарков и протягивали деньги.

Когда уже пятый гость вручил серебряным юбилярам аккуратно завернутые в мешковину саженцы, Вадим Викторович не выдержал:

– Да куда нам столько растительности!?! Спасибо, конечно, очень приятно, но сажать уже некуда! – плеснул эмоциями Вадим Викторович, принимая подарки, и не по-родственному покосился в сторону зятя.

– Брось, Вадик, – смеялись друзья, – мы твою тайную страсть знаем! Молодец, что решил смородину разбавить, – говорили они и незаметно подмигивали Кириллу.

Юбилей удался. Несколько гостей, добившихся бессознательного состояния, уже уложили спать, остальных больше часа провожали у ворот, обнимаясь, целуясь, обещая встречаться каждую неделю и с трудом усаживая в такси. Последняя машина никак не могла уехать. Уже попрощались и ушли в дом юбиляры, сбежала Лера и несколько самых близких родственников, собиравшихся остаться на ночь, а Кирилл все выслушивал откровения двоюродного брата Вадима Викторовича, облокотившегося на открытую дверь такси. Он с надрывом говорил о своей потерянной жизни, остаток которой он вынужден теперь пропивать, о постаревшей и растолстевшей жене и туповатых подростках-детях, сидевших в этой же машине и безразлично наблюдавших за оче-

редной истерикой своего мужа и отца. Исповедь оборвал таксист, заявивший, что сейчас высадит всех к чертовой матери и уедет! Ему пообещали «на чай», затащили главу семейства в салон и уехали.

Кирилл помахал красным огонькам и закрыл ворота. Наконец-то вокруг наступила тишина. У подножья двух столетних дубов, подсвеченных уличным фонарем, стояла скамейка, «между ногами» которой пролезли вспоровшие землю корни огромных деревьев, напоминавшие гигантские шершавые ступни. Кирилл сел на скамейку и запрокинул голову вверх. Он долго смотрел на чуть шевелящиеся кроны, на яркие осенние звезды и скоро ему начало казаться, что он становится частью этих могучих деревьев, снисходительно поглядывавших со своей высоты на весь сад и даже на сородину.

В глубине сада светились окна дома, в которых мелькали силуэты его, таких разных, случайных родственников. Через какое-то время послышалась живые гитарные звуки и непопадающие в такт голоса. Но ни мелодии, ни слов Кирилл разобрать не мог.

А в доме начался душевный отрыв. В юности Вадим Викторович учился играть на гитаре, но, освоив несколько аккордов, утомился и бросил. А к пенсии музыкальность в нем неожиданно очнулась и, купив самоучители, он засел за ноты. Вадим Викторович брэнчал дома и в беседке, дергал

струны в саду и в гараже и, хотя дара импровизации в нем не открылось, он выучил наизусть десяток популярных мелодий. Несколько месяцев об этом увлечение знали только Элеонора Ивановна, Лера и Кирилл, но сегодня Вадим Викторович неожиданно решил сделать свое творчество публичным.

Когда Кирилл заглянул в комнату его родственники в разных позах, как опята на пне, расположились вокруг сидевшего в кресле Вадима Викторовича. Лица у всех, включая его Леру, были пьяные и восторженные, и только молоденькая девочка, чья-то дальняя сестра, еще не растворила в своем взгляде бьющего из глубины изумления от происходящего.

Объединенный музыкальной страстью хор, орал фальшивыми голосами почти не узнаваемые песни, потому что для любого текста Вадим Викторович проникновенно исполнял на гитаре одну и ту же мелодию, никак не сраставшуюся ни со словами, ни с оригинальной музыкой. Удивительнее всего было, что никто, вроде, и не замечал этого странного аккомпанемента, и поэтому со стороны казалось, что концерт дает хор абсолютно счастливых умалишенных людей.

После того, как Вадим Викторович заканчивал очередной музыкальный фрагмент Элеонора Ивановна всегда кричала:

– Bravo!

Тесть касался всех влажным от пережитых эмоций взглядом и предлагал:

– А давайте теперь вот эту споем...

– Конечно! – поддерживали пьяные хористы.

– Кира, мы так хорошо поем! Давай с нами! – махнула Лера, увидев мужа.

Кирилл сел на край дивана рядом с женой, но уже через минуту шепнул ей в ухо:

– Лерка, что это!? Соседи сейчас психушку вызовут...

– Отстань, мы отдыхаем!

После двух песен Кирилл не выдержал. Пообещав сказать жене что-то очень важное, он заманил ее в соседнюю комнату, и, взвалив на спину, потащил по лестнице «в гнездо».

– Куда ты тащишь меня! – она вяло колотила его маленькими кулачками и кусала за шею. – Я петь хочу!

– Вы не поете, а блеете! Хоть бы мелодию сменили...

– Сам ты блеешь! И вообще отпусти меня! – она лягнула его коленкой.

Кирилл дотащил свою теплую живую ношу и, не включая люстру, тихонько опустил ее на кровать.

– Вот, можешь поблеть, пока не заснешь. Тем более у тебя талант, мама до сих пор думает, что у соседей бараны поселились.

Лерка задумалась и вдруг закричала по ослиному, строя в паузах между надрывными криками смешные рожи и показывая язык.

– Что ты дразнишься, Осля! – Кирилл ловил за пальцы брыкающиеся ноги жены.

– Осля? Я Осля!? Я Осля, Осля! – обрадовалась Лерка и

закричала еще громче, – и-и-аааа!

И тут в протяжном крике своего Осли подвыпившему Кириллу послышалось что-то грустное и призывное, и он ответил жене гортанным ослиным ревом:

– И-ы-ы-и-а-аааа!

Музыкальные этюды на первом этаже резко оборвались. Встревоженные родственники вопросительно переглядывались между собой, а Вадим Викторович с Элеонорой Ивановной стали подозревать, что подловатые соседи обзавелись посреди ночи теперь уже и ослами.

Несколько минут Кирилл с Лерой перекрикивались по ослиному, а потом она схватила его за ногу и впилась зубами в коленку мужа. Он повалился на кровать и, продолжая орать, они зарылись в одеяло, пытаясь укусить друг друга за ноги.

Кирилл уже победил визжащую Лерку и почти кусал ее за большой палец левой ноги, когда в комнате неожиданно зажегся свет. На пороге стояли Вадим Викторович с Элеонорой Ивановной, а за их спинами выпучивали глаза любопытные родственники.

Лера с Кириллом высунули головы из-под одеяла и замерли, а потом захохотали и как черепахи спрятались в свой мягкий одеяловый панцирь.

После обеда Кирилл сладко дремал на втором этаже, где уже жил проникший через приоткрытое окно прохладный

ветер. Кириллу снилось, что любимая Вадимом Викторовичем смородина, у которой неожиданно выросли короткие мохнатые лапки, построилась рядами и уходила куда-то за забор, махая на прощание маленькими, похожими на ладошки листьями. Глуповатую улыбку с лица зятя смахнул крик Элеоноры Ивановны:

– Скорей! Там Вадик... Лера, – теща дрожала в истерике и произносила только обрывки мыслей.

– Где? – Кирилл вскочил с дивана.

– У гаража...

Он метнулся на первый этаж, схватил валявшееся у камина березовое полено, выбежал из дома и помчался к гаражу. За углом, у ворот гаража, он увидел двух хорошо подвыпивших мужиков, один из которых толкал в грудь Вадима Викторовича, а другой, мелко ухмыляясь тонким ртом, пытался взять Леру за руку.

Как всегда случалось в такие минуты, думать Кирилл не успевал. Его сознание провалилось в какую-то черную дыру и действовало само, не спрашивая совета и разрешения у своего владельца. Подбежав к тому, кто пытался трогать его жену, он сходу сунул ему в рожу занозистый край полена. Жесткая древесная щепка проткнула щеку и вонзилась куда-то в челюсть. Мужик закричал, брызгая кровавой слюной, отскочил, зацепился за куст сирени и упал. Другой отступил от Вадима Викторовича и развернулся к Кириллу, но тесть пустил в свою кровь адреналина, заставив мысли мчаться га-

лопом, и жестким ботинком, со всей дури, пнул обидчика в голень, а когда тот, инстинктивно схватился за свою конечность, двинул его коленкой в подвернувшееся небритое лицо...

Пока Лера успокаивала в доме плачущую от пережитого маму, Кирилл сидел в беседке. Его слегка потрясывало и очень хотелось выпить, чтобы разбавить неприятные воспоминания.

Мужикам, строившим коттедж на краю деревни, не хватило, и двоих, проигравшихся в карты, послали в городок за догоном. Маленький деревенский магазин был уже закрыт. Проходившие мимо их забора гонцы еще раздумывали, как будут добираться до города, когда заметили Вадима Викторовича, менявшего во дворе лампочку в фаре своего автомобиля. Подбросить за водкой в город Вадим Викторович отказался, начались выяснения отношений, и тут во двор случайно пришла Лера, за которую зацепился взглядом один из строителей. Хорошо еще, что Элеонора Ивановна в любом состоянии контролировала ситуацию вокруг.

Когда стороны пришли к мировому соглашению и обязались не заявлять друг на друга, полиция уехала.

Звон стекла выдернул Кирилла из мыслей. Вадим Викторович молча поставил на стол тарелку с малосольными огурцами, две рюмки и бутылку водки:

– Вот, подарили как-то, стоит уже несколько лет. Вы-

пьем? – тесть посмотрел на Кирилла.

– Давайте.

Вадим Викторович хрустнул крышкой и плеснул в рюмки. Они чокнулись и глотнули.

Элеонора Ивановна постепенно успокаивалась:

– Лерочка, я так испугалась за тебя, за папу...

– Ну, успокойся мама. Хорошо, что все так кончилось. А папа-то где?

– Они с Кириллом водку в беседке пьют.

– Водку? Папа же водку не пьет.

– А сегодня решил.

– А ты откуда знаешь?

– Он бутылку из шкафа достал и в беседку пошел, а там

Кирилл сидел.

– Ну, ты мама даешь! Я думала тебе сейчас не до этого.

Они тихонько открыли окно и прислушались. Вадим Викторович и Кирилл о чем-то негромко говорили в беседке.

– О чем они? – поинтересовалась Лера.

– Не слышу. Да это не важно, главное пьют вместе. Может, наконец-то, перестанут тебя делить.

– Меня?

– А ты думаешь, они кусты делят? – Элеонора Ивановна обняла дочь, притянула к себе ее голову и поцеловала в обе макушки, – глупенькая ты еще какая.

– Знаешь, – говорил Вадим Викторович, наливая по третьей, – хочу забор обновить. Думаю, металлический профиль установить, надолго хватит. Как считаешь?

– Конечно, – соглашался Кирилл, – один раз установим и можно забыть про него.

– Вот и я о том же, – Вадим Викторович резал огурец, стуча лезвием ножа по керамической тарелке. – А еще, знаешь, смородину эту мы уже не съедаем, надо потеснить ее...

Женщины у окна напряженно вслушивались в мутнеющие сумерки, но мужчины говорили тихо, и понять о чём не удавалось. Потом один силуэт поднялся, вышел из беседки – Элеонора Ивановна насторожилась – но скоро вернулся и разговор продолжился:

– Надо же, все говорят, – выдохнула Элеонора Ивановна.

И вдруг из беседки донеслась бессвязная песня, слова которой никак не уживались с мелодией. Мужчины запели что-то грустными, фальшивыми голосам...